

ФРЭНК ДЖУЛИАН ДЖЕЛЛИ

СУФИЙ РИМА

Беседы с Юлиусом Эволой

ТОТЕНБУРГ
МОСКВА 2026

УДК 141.33+28-58
ББК 87.3(4Ита)6+86.38
Д40

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с английского — Ислам Папштов.

Джелли, Ф.

Д40 Суфий Рима. Беседы с Юлиусом Эволой. — М.: Тотенбург, 2026. — 266 с.

Сегодня Фрэнк Джулиан Джелли англиканский священник, а в конце 60-х годов XX века — молодой нонконформист из Рима, член кружка «Солнцестояние». Через его глаза мы становимся свидетелями серии личных бесед с одной из самых загадочных фигур эпохи — Юлиусом Эволой.

Со страниц встает живой образ Барона не только как философа и метафизика, но и как человека со своим бытовым укладом, манерами и неповторимым стилем общения. Перед читателем разворачивается яркий калейдоскоп тем: от исламской метафизики и томизма до экзистенциализма Сартра и Камю, от кинематографа Феллини и поэзии Паунда до исторических парадоксов вроде «подвига» Герострата и глумления над трупом Муссолини, от положения уйгуров в Китае до духовных смыслов Крестовых походов.

Сам Джелли, комментируя монологи своего наставника, задается ключевым вопросом: кем же был Юлиус Эвола на самом деле? Возможно, суфием из традиции маламатии, сознательно бросающим вызов обществу своей позицией? Книга не дает готовых ответов, но предлагает читателю уникальный шанс вступить в этот диалог самому и вынести свое суждение.

**УДК 141.33+28-58
ББК 87.3(4Ита)6+86.38**

© Ислам Папштов,
перевод с английского, 2026
© Издательство «Тотенбург», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	9
ВСТУПЛЕНИЕ	11
ВСТРЕЧА С МАГОМ	15
ЕГО МОЛЧАНИЕ.....	20
БОГ ЗЛА	22
КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ	27
ПАПА И СУЛТАН	35
ИЗРАИЛЬ	39
НОЧНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	44
МУСУЛЬМАНЕ ФРАНКО.....	46
КЕМАЛЬ, БИЧ ТУРОК.....	48
ДЕТИ СИОНА	51
ЭТОТ РАСИСТ, УИНСТОН.....	56
ТОЛЕРАНТНОСТЬ ДЛЯ ШЛЮХ	60
ПОДРУГА ДЛЯ ЭВОЛЫ.....	62
ВЕРОЛОМНЫЙ АЛЬБИОН И ГРААЛЬ.....	64
МАГ	69
ДВОЕ ПАРНЕЙ ИЗ ЛИНЦА	75
АЛЬ-ХАЛЛАДЖ, ИСЛАМСКИЙ ХРИСТОС	78
ДЖИННЫ.....	84
НИНО, БЕДНЫЙ НИНО	86
ДЕЛО ОППИЙСКОГО ХОЛМА.....	91
ФРАНЧЕСКО.....	96
СЕАНС.....	99
ПРОТИВОРЕЧИЯ	101
ПОВСТАНЦЫ КАМЮ	102
EX AFRICA LUX	106
ПАДРЕ	109
ИМАМ АЛИ.....	111
ФАТИМА	115
МАХДИ	117

САРТР И ЕВРЕИ	119
КОРАН И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ИНВОЛЮЦИЯ	123
ОТ ЗВЕЗД К СТАЛИ.....	127
РАССКАЗ О ПРЕДАТЕЛЕ	130
ФЮРЕР И ИСЛАМ	134
ВСТРЕЧИ В КАИРЕ	140
АФГАНИСТАН:	
СУФИЙСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО	144
ЮГ.....	147
МАГИЯ, МУТАНТЫ И МОНСТРЫ	149
ГИММЛЕР И ГОРОДА РАВНИНЫ.....	154
БАРОНЕССА	158
СТРАНА СЛЕПЫХ.....	161
ОДИНОЧКА.....	163
КОНТР-ЕВАНГЕЛИЕ	165
ПАПА ЮЛИЙ: МЕЧТА	167
АНТИ-ИТАЛЬЯНЕЦ	169
ПЕСНЯ ПТИЦЫ.....	171
БЕРСЕРКИ	176
БЛАГОДАТЬ И КАРМА.....	180
ВИД С ВЫСОТЫ	184
БУРИ НАД КИТАЕМ	186
ДОРИАН ГРЕЙ.....	189
ИИСУС И КОРАН.....	191
ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ	193
РИМ И МЕККА	196
ECCLESIA DIABOLI	201
НИЦШЕ	203
ГЕРОСТРАТ	205
КОЛЬЦО ЛЖИ	208
МЕТАФИЗИКА ЛЮБВИ.....	212
НЕЭВОЛИАНСКИЙ ХАРАКТЕР	215
УЛОВКА ЭВОЛЫ	219
ПОЭТ В КЛЕТКЕ	221
ДВА ПОЭТА: КАМПАНА И Д'АННУНЦИО	224

КАФКА В ПРАГЕ	228
ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ОБЫВАТЕЛЬ	230
ДАДА: МАКС ЭРНСТ	231
ЛЮБОВНЫЙ СОБОР	232
ШВАРЦКОГЛЕР	233
БИТ-ПОЭТЫ.....	235
БАТЮШКА ЮЛИУС.....	237
НИЦШЕ	240
КРАСОТА	244
ДЗЕН	247
ОБМАНУТАЯ МОЛОДЕЖЬ.....	250
ПОТЕРЯННЫЙ СЫН	253
ЧТО ДЕЛАТЬ?.....	255
ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА.....	258
ЭПИЛОГ	260

*Сей ученик и свидетельствует о сем,
и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его.*

Евангелие от Иоанна, 21:24

Войди в число Моих рабов.

Коран, 89:29

ПРОЛОГ

В маленькой истории Хорхе Луиса Борхеса «Приближение к Альмутасиму» безымянный главный герой, беглый мусульманский студент, ищет далекую личность, человека — или больше, чем человека — по имени Альмутасим. Возможно, это мессия, или маг, или магистр некоего небесного братства. То, как молодой человек интуитивно понял существование Альмутасима, проблематично, как и его загадочная тема. Борхес пишет о «тонких переменах», которые личность Альмутасима оказывает на других, даже на самых низких, самых отвратительных персонажей. И все же таких незначительных следов достаточно, чтобы герой отправился на поиски. Проходят годы. После целой одиссеи головокружительных приключений в индийском субконтиненте искатель наконец достигает своей недостижимой цели, хотя читатель остается в дразнящем неведении относительно точной природы мутного Альмутасима.

Герой, или антигерой — выбирайте сами — этой книги не совсем похож на неуловимого персонажа, придуманного фантазией Борхеса. Его личность слишком хорошо известна. В отличие от скрытного Альмутасима, друзья и ученики Юлиуса Эволы легко подходили к нему, прикованному к инвалидному креслу на чердаке в центре Рима. Тем не менее я считаю, что именно эта открытость имела тенденцию затушевывать истинное значение и характер Эволы. Как туманность и расстояние размыли и скрыли личность Альмутасима, так близость и публичность помешали подлинному признанию Эволы. Одним словом, его неправильно поняли. Вот почему настоящий автор чувствует себя немного похожим на искателя в рассказе Борхеса. Разница лишь в том, что искомая фигура

обычно считается не святой, а сатанинской. Для многих репутация Эволы действительно настолько печально известна, что моя задача сопряжена с опасностями — я полностью отдаю себе в этом отчет. Я также понимаю, что некоторые, возможно, сочтут меня столь же достойным порицания, как и мой предмет. В самом деле, подобно сбежавшему студенту, я тоже долгое время был в неведении, я тоже ступал по дорогам позора... Но, по крайней мере, я могу утверждать, что знаю ту необыкновенную природу, о которой пишу. Бесчисленные отзывы, которые он оставил в моей душе, побудили меня написать эти *Erinnerungen*¹. Я сделал это для того, чтобы рассказать все начистоту. Сказать правду — или то, что я считаю правдой — о Юлиусе Эволе. Это мой долг перед человеком, которого, оглядываясь назад, я стал считать почти наставником — и который, как я полагаю — или мне хочется верить — считал меня потерянным сыном, которого он никогда не знал.

Юлиус Эвола. Это не совсем тот маг, которого мифологизировали и злословили его многочисленные враги, но, подобно борхесовскому Альмутасиму, интригующий, околдовывающий учитель. Перефразируя Рене Генона, можно сказать, что Эвола был неправдоподобным, но реальным *Roi de Rome*².

¹ «Воспоминания» — пер. с нем. — *Прим. пер.* здесь и далее.

² Имеется в виду «Царь Рима», перифраз названия работы Р. Генона «Le Roi de monde» («Царь мира»).

ВСТУПЛЕНИЕ

Юлиус Эвола, как и я, был римлянином, *Roumi*, если говорить по-арабски. Однако, в отличие от меня, его имя превратилось в символ всего, что наш *Zeitgeist*³ находит еретическим, отталкивающим и мерзким. Как и Сократа, его обвиняли в развращении молодежи — его идеи стали знаменем для радикальных правых кругов, породив даже несколько террористов. Но это лишь часть картины. Не менее пугающей кажется его ипостась оккультиста, мага, зловещего чародея, которому — ходили слухи — была подвластна даже сила убивать на расстоянии. В это верил, кажется, сам Муссолини. Он был знаком с Гиммлером и читал лекции в замках СС. Эвола — фигура проклятая. Упоминание его имени опасно: оно грозит подозрениями, дискредитацией, позором, потерей работы, судом, физической расправой...

Но главный тезис этой книги в ином. Глубинные, истинные идеи Юлиуса Эволы в его текстах были слегка замаскированы. Или, вернее, выставлены так открыто, что только проницательный читатель сможет разглядеть скрытую за ними радостную истину. Подобно похищенному письму в рассказе Эдгара По, подлинная сущность и убеждения Эволы спрятаны, спрятаны на самом виду. А это лучшее укрытие, ведь большинство ослеплено очевидным. Насколько я знаю, я первый, кто это разгадал. Самонадеянно? Возможно. Но я верю, что это правда.

Эвола был суфием. Или, точнее, криптосуфием — скрытым и, быть может, даже самообольщающимся последователем пути Тасаввуфа. Мистическим, пусть и еретическим, мастером в лоне исламской традиции. Рене Ге-

³ «Дух времени» — пер. с нем.

нон, тот самый оккультный французский писатель, нашедший пристанище в мистическом исламе, тайно посвятил его в суфийское братство. Временами Эвола был на волосок от того, чтобы признать это открыто. Подобно многим суфиям, он часто учил не прямо, а намеками, аллюзиями, намеками-предложениями. Ключи к его подлинным взглядам рассыпаны в его трудах и, куда более откровенно, в тех беседах, что он вел со мной. Он находил злое удовольствие в том, чтобы смущать «правильно мыслящих», обывателей и скучных людей, будь они правыми или левыми. О да, ему нравилось быть противоречивым, извращенным, шокировать своих же поклонников и друзей.

Конечно, это была опасная игра. Она обрекала на исключение, на отчуждение и от интеллектуальных кругов, и от коридоров власти. Даже в годы режима Муссолини, чьи внешние формы, возможно, и были ему созвучны, Эвола был лишен возможности обрести сколь-нибудь реальное влияние. Я подозреваю, что это было сделано намеренно. В этом был его смелый, отчаянный расчет, стратегия, которая вела к презрению, отвержению и гонениям, но была его единственно верным путем. Его собственным, особым путем.

Суфии — понятие обширное и запутанное, вмещающее в себя самые разные подходы: от тихого созерцания до яростной, воинственной активности. Эвола, как я полагаю, принадлежал к самому, пожалуй, эпатажному и отстраненному типу из всех. Маламатия⁴, люди порица-

⁴ Маламатия (араб. маламатийа — «путь порицания») — мистико-аскетическое мусульманское течение. Показному благочестию его сторонники противопоставляли искренность (*ихлас*) и правдивость (*сидк*). Неприкрытая набожность и чересчур суровый аскетизм квалифицируются как лицемерие (*рийа*) и скрытое многобожие (*ширк*), так как, по их мнению, забота о репутации праведника отвлекает от мыслей о Боге. Сторонники маламатии не только скрывали свою религиозную практику, но и публично совершали поступки, вызывавшие общественное осуждение и порицание. Они осознанно провоцировали осуждение, например прилюдно вкушая пищу во время поста, прикидываясь

ния. Подробных учений этой ветви не сохранилось, источники отрывочны и противоречивы, но суть ясна: маламаты намеренно бросают вызов условностям, потворствуя поведению, которое навлекает на них общественное осуждение и позор. Это не имеет ничего общего с патологией вроде мазохизма. Это следствие подлинного духовного призвания. Параллели можно найти и в христианстве, например, у египетских отцов-пустынников. Мистик стремится приблизиться к Божественному — даже уничтожить себя (fana⁵) в Боге. Это путь жизни на грани, жизнь в опасности. Таким был и путь Эволы. Кажущийся парадокс, порожденный некоторыми из его наиболее жестких внешних учений, например, отдельных взглядов на расу, надеюсь, может быть преодолен, если увидеть в них не цель, а инструмент. Часть самостоятельно избранного, трудного духовного пути. Самоуничтожение, сознательное низведение себя на службу тому, что он считал необходимой, пусть и промежуточной, ступенью на пути к бессмертию. Конечно, он почти никогда не использовал слово «Бог» в положительном ключе из-за груболичных, упрощенных коннотаций, которые этот термин приобрел в массовом монотеизме. Он предпочитал говорить о Трансценденности, о «том, что выше». Несомненно, это лишь разные способы выразить ту же самую невыразимую Реальность.

Несмотря на свое возвеличивание касты воинов, Эвола не был человеком открытого действия. Поэтому его маламатийская позиция проявлялась в основном через

пьяницами или блудниками, чтобы через унижение своего эго (*нафс*) достичь истинной близости к Творцу.

⁵ Фана (араб. فنا) — суфийский термин, возводимый к кораническому стиху (55:26), означающий [само] уничтожение, «стирание» личностных качеств и атрибутов человека и их замену божественными. Почти неизменно употребляется в паре со своим коррелятом *baqa'* — «пребывание в божестве». Создание учения о фана и бака суфийская традиция приписывает мистике Абу Саиду ал-Харразу (ум. в 899 г.), который считал эти состояния конечной целью мистического пути.

труды и частные беседы. На страницах его книг внимательный читатель раз за разом натывается на отсылки к тайным суфийским кругам. Временами его мысль явно тяготеет к шиитскому направлению ислама. Я морально уверен, что у него был непосредственный опыт соприкосновения с суфизмом — через Рене Генона и через другого, безымянного наставника. Мои собственные встречи и изыскания во время поездок в Каир лишь укрепили это убеждение. Он снова и снова говорил мне о своем восхищении эзотерическими учениями шиитов-двунадесятников⁶, а также о мужестве имама аль-Махди⁷. Перед смертью он также предсказал скорое возрождение ислама. Как мы видим, он оказался прав.

Эвола — еретик. Эвола — исламский посвященный. Тезис, который, я уверен, будет раздражать многих. Это особенно заденет современных европейских правых, сделавших антимусульманскую риторику краеугольным камнем своей политики. Я уверен, Эвола сказал бы, что они глубоко заблуждаются. Я также убежден, что свидетельства в пользу этого неортодоксального прочтения его учения подавляющи. И цель этой книги — недвусмысленно это показать.

⁶ Шииты-двунадесятники — основное и наиболее многочисленное направление в шиизме, «умеренные» шииты. Признают своими непрерывными духовными руководителями двенадцать имамов из рода Али, двоюродного брата и ближайшего сподвижника пророка Мухаммеда, считая, что имамаат передается путем «ясного указания» (ан-насс). Верят, что двенадцатый имам, Мухаммад аль-Махди, в детстве исчез (ок. 873–874 гг.), перейдя в состояние «сокрытия». Его возвращения в качестве мессии (Махди) шииты-двунадесятники ожидают и поныне.

⁷ Махди (араб. الْمُهْدِيّ — «ведомый [Аллахом] правильным путем») — в исламской эсхатологии мессия, последний преемник (халиф) пророка Мухаммада, провозвестник конца света. Хотя в Коране не упоминается, его пришествие широко описано в хадисах. Махди, вместе с вернувшимся на землю Исой (Иисусом), установит на земле царство справедливости, упразднит насилие и несправедливость и сокрушит Даджала (исламский аналог Антихриста). Ожидание Махди является общей исламской идеей, но наиболее разработано в шиитском учении, где он отождествляется с двенадцатым «сокрытым» имамом.

ВСТРЕЧА С МАГОМ

Я познакомился с Эволой таким образом. Мой друг Бруно стал приглашать меня на собрания студенческого кружка «Солнцестояние». Мы собирались в разных местах — главной нашей штаб-квартирой была квартира в районе Прати, но иногда мы сходились в самом центре Рима, на Виа ди Пьетра, крошечной улочке, затерявшейся рядом с шумной и модной Виа дель Корсо. Виа ди Пьетра была ей полной противоположностью — притоном проституток и разного рода сомнительных личностей. Парни из «Солнцестояния» были студентами и выпускниками, глубоко погруженными в консервативную мысль. Душой кружка был Адриано Ромуальди⁸, невзрачный юноша с копной рыжеватых волос. Я до сих пор помню его вечно вопросительный, ироничный взгляд и точную, язвительную манеру речи. Забавно, но ходили слухи, что Адриано — внук Муссолини, поскольку его отец, ультраправый депутат Пино Ромуальди, открыто хвастался тем, что является настоящим отпрыском дуче. Факт это или вымысел, но Адриано был одним из главных интеллектуальных последователей Эволы. Не думаю, что я был ему особенно симпатичен — я не принадлежал к его кругу римских снобов, — но, когда Бруно спросил, можно ли и мне навестить гуру, Адриано нехотя дал согласие.

Все прошло не очень гладко. Нас было четверо, мы сидели вокруг Эволы. Хозяин, черноволосый и, несмотря

⁸ Адриано Ромуальди (1940–1973) — итальянский политический деятель и теоретик, один из ключевых идеологов послевоенного неофашизма и «Консервативной революции» в Италии. Сын политика Пино Ромуальди. В своих работах стремился дать фашизму новое духовное обоснование, опираясь на идеи Ницше, Шпенглера и, в особенности, Юлиуса Эволы, трактуя его как «революцию духа» против материализма и либерализма.

на возраст, все еще сохранивший следы былой красоты, узнал всех остальных, но меня будто не замечал. Он полностью игнорировал меня, не удостоив ни взглядом, ни словом. Поскольку никто не любит чувствовать себя отвергнутым — особенно тем, кого считают учителем мудрости, — я ушел, подавленный и смущенный. На следующий день зазвонил телефон. Это был Адриано. «Эвола хотел бы увидеть вас снова», — сухо произнес он. В его голосе я почувствовал плохо скрытое раздражение. Я был ошеломлен.

Я был уверен, что барон меня невзлюбил, но, конечно, согласился. И так, несколько дней спустя я снова пришел с Адриано на Корсо Витторио. На этот раз Эвола был подчеркнуто приветлив. Я воспрял духом.

Затем последовал еще один звонок от Адриано. Эвола хотел поговорить со мной.

«Где нам с тобой встретиться?» — спросил я Адриано.

«Только с тобой, — едко ответил он. — Ты пойдешь один».

Он, должно быть, был так же ошеломлен, как и я, хотя и не так рад.

Это было началом долгих отношений. Я бы не назвал это дружбой. Разница в возрасте была слишком велика. К тому же я слишком трепетно относился к нему. Я был очарован. А еще, если честно, немного обеспокоен. Как многие неуверенные в себе молодые люди, я с подозрением относился к геям — тогда их пренебрежительно называли *froci* по-итальянски. Среди ультраправых боевиков было много *froci*. Это был парадокс: будучи крайне гомофобными и даже участвуя в избиениях, эти круги изобиловали людьми, предпочитающими свой собственный пол. Симпатичные молодые люди там не чувствовали себя в безопасности. Ходили слухи об Эволе. При фашистском режиме его элитарные и аристократические идеи вызывали нападки со стороны тупоголовых

активистов режима. «Мисс Эвола — педераст», — насмехались над ним. Это была абсолютная неправда. Ориентация Эволы была гетеросексуальной. Я могу поручиться за это. Тем не менее, когда я шел на встречу с ним, я немного опасался. Мне не следовало беспокоиться. Эвола не проявлял ни одной из манер, приписываемых определенному типу геев. Я не припоминаю ни одной попытки с его стороны вступить в физический контакт, даже самый невинный и случайный. В отличие от англичан, итальянцы постоянно касаются друг друга в разговоре, но Эвола был иным. Он считал тактильность признаком низкого происхождения. В этом, конечно, было аристократическое, почти религиозное презрение к телесному — *Noli me tangere*, «не прикасайся ко мне», как сказал воскресший Христос Марии Магдалине. Со мной же он вел себя абсолютно естественно. Со временем я стал воспринимать его как наставника, но с оговорками. Его открытый расизм, например, «духовный», как он его называл, и нарочито загадочный, приводил меня в недоумение. Я не мог понять его смысла. Только много позже я узнал тайну, скрывавшуюся за взглядами, сделавшими его печально известным.

Постепенно я сделал еще одно счастливое открытие. Постепенно я сделал еще одно открытие, которое меня и обрадовало, и удивило. Язык, манера его речи в разговоре со мной, разительно отличались от того, как он говорил на групповых собраниях, как, например, во время визита членов «Солнцестояния». Тогда его речь была очень похожа на письменный стиль: формальная, холодная, отстраненная. Что касается его литературного слога, думаю, даже самые преданные поклонники не назовут его легким. Он был сухим, строгим, нагруженным смыслами. Учитывая темы, на которые он писал, обычно самые абстрактные и заумные аспекты мифологии, религии и философии, он часто производил впечатление про-

фессорской педантичности. Примерно как при чтении «Критики чистого разума» Иммануила Канта. Говорят, Кант-оратор был свеж, остроумен и обаятелен — полная противоположность Канту-писателю. Та же формальность Эволы проявлялась и в его публичных беседах, как я убедился вначале. «Холодный и отстраненный» — вот слова, которые лучше всего его описывали в те моменты.

Однако со мной он был совершенно иным. Он постепенно раскрепощался, сбрасывал академические доспехи, становился разговорчивым и естественным. Порой почти отеческим. Иногда он даже переходил на римский диалект, который был родным для нас обоих. Это меня поражало и радовало.

Не могу сказать, что мечтал познакомиться с ним поближе. Его личность все еще была окружена таким ореолом — захватывающим, да, но все же запретным. Он был магом, человеком с оккультными способностями (ну, во всяком случае, так ходили слухи), бароном, обучавшим новых тамплиеров, но также и интеллектуалом, художником-дадаистом, Сократом ультраправых, возможно, вдохновителем революции и терроризма... все такое. Но со временем я стал чувствовать себя очень комфортно в его компании. Я с нетерпением ждал наших нерегулярных встреч. Он связывался со мной заранее и назначал время. Обычно нас было только двое. Если кто-то звонил, Эвола посылал его подальше. Несколько раз присутствовал Адриано. Также иногда присутствовал и третий человек, но его имя будет опущено. Эвола знал, что Адриано ревнует меня к тому, что я сблизился с ним, и потому старался не сводить нас вместе. Он заставил меня пообещать, что я никому не скажу, что видел его — обещание, которое я до сих пор выполнял.

В общем, мне даже нравилось чувствовать себя связанным чем-то вроде пифагорейского обета молчания и секретности в отношении Эволы. Конечно, нарушение

такого обета в том древнем братстве вело к катастрофе. Достаточно вспомнить судьбу Гиппаса из Метапонта. Секрет, который он выдал миру, был открытием иррациональности квадратного корня из двух. Разумеется, математики должны быть благодарны Гиппасу за это. А нематематики, то есть вы, дорогой читатель, должны быть благодарны мне за то, что я открываю скрытую правду о другом великом Учителе, Юлиусе Эволе.

Гиппас, к слову, заплатил высшую цену...

ЕГО МОЛЧАНИЕ

Иногда, после обсуждения какой-либо темы или в середине воспоминания, Эвола внезапно умолкал и погружался в молчание. Порой на целых полчаса. Сначала это смущало и даже тревожило меня. Я не понимал причины этого долгого молчания. Может, я сказал что-то, что его задело? Я не мог этого допустить, хотя и опасался. Но я не решался прервать тишину.

Его взгляд становился отстраненным, устремленным вдаль, будто он смотрел во внутренние, недоступные миры. Тело оставалось совершенно неподвижным, но я замечал, как слегка подрагивают пальцы его левой руки. Мне казалось, что в этих едва заметных движениях есть какой-то ритм, мелодия, такт или система, но позже я решил, что, наверное, ошибался. Он будто впадал в транс, но не в том смысле, который мог бы меня встревожить.

Когда он снова начинал говорить — всегда внезапно — не было никаких объяснений или отсылок к тому, что только что произошло. Он либо переходил к новой теме, либо продолжал прерванную мысль. Или же спрашивал меня о чем-то, брал книгу и указывал на интересный отрывок. Я, вероятно, мог бы спросить его о причинах этих состояний, но так и не спросил.

Однако много лет спустя, читая «Пир» Платона, я узнал о странной привычке Сократа внезапно замирать, уходя в себя, иногда на целые часы, где бы он ни находился. Возможно, он размышлял над решением метафизической задачи. Или же общался со своим таинственным внутренним голосом или духом, который порой предостерегал его⁹.

⁹ Даймоний (от греч. δαίμων — божество, дух) — у Сократа (в изображении Платона) таинственный внутренний голос, охраняющий и удерживающий человека от тех или иных поступков, но никогда не побуждающий его к действию.

Так, возможно, и молчание Эвола было сократовским. В отличие от Сократа, он никогда не упоминал о внутреннем голосе или чем-то подобном, нет. Однако, как и греческий философ, Эвола был посвященным. Известно, что Сократ принадлежал к орфическому братству и участвовал в его мистериях. Раз уж эта книга утверждает, что и Эвола был членом эзотерического братства, мне хочется предположить, что его трансовые состояния были проявлением вдохновения, приходящего откуда-то свыше. Возможно, подобно Орфею в подземном мире, он спускался — или восходил — в иное измерение бытия, его разум экстатически покидал тело, исследуя неведомые царства...

Причудливо? Знаю. Но правда в том, что я так никогда и не узнаю наверняка, что происходило в его сознании в те минуты. Магия и тайна были частью его притягательности, так что... все возможно.

БОГ ЗЛА

Однажды утром барон выглядел изможденным. «Меня мучает бессонница, — сказал он. — Когда я пишу далеко за полночь... не отпускают проблемы... и чудовища».

Он не стал пояснять, что имел в виду. Вместо этого сразу перешел к обсуждению египетского бога Сета. Эта фигура, казалось, завораживала его: «Сет был плохим парнем египетского пантеона. Нечестивым богом. Его боялись и ненавидели за то, что он убил добряка Осириса. Да, этого чересчур правильного мужа Исиды. Так Сета превратили в воплощение зла. Даже считали, что он встал на сторону иноземных захватчиков Египта. Пособник нацистов, вроде божественного Квислинга...» Он усмехнулся тонкой улыбкой — Видкун Квислинг, прогерманский норвежский коллаборационист, для него плохим парнем отнюдь не был.

«Сет был бунтарем. Расправился с родным братом. Как в истории с Ромулом и Ремом, только наоборот. Будто это Рем убил Ромула. Осирис был солидным, буржуазным божеством — женатым, респектабельным. А Сета изображали с головой зверя, уродливой мордой, рогами и хвостом. Такой грубый дьявол. Его священным животным был бегемот. Но я считаю, Сет был прекрасен. Его красота была невыносима для жрецов-чиновников, вот они и старались изобразить его уродцем — старый трюк. Помните Ницше? Заратустра говорит: “О жалкие! О вашей глупости я знаю, моего сверхчеловека вы назвали бы дьяволом”. Инверсия ценностей. Высшее превращают в низшее. Вечная уловка подлецов и недостойных. Сет помогал чужеземным завоевателям, потому что египтяне выродились, стали убогими, упадническими. Они заслуживали поражения, им было необходимо, чтобы ими

завладели гиксосы. Сет справедливо упрекал их: “Посмотрите, в кого вы превратились! Были господами — стали слугами. Годны лишь на то, чтобы вами правил тот, кто достаточно силен, чтобы покорить. Не стоит быть вашим богом. Я покидаю вас. Мне отвратительны ваше поклонение, ваши жертвы. Я стану богом ваших завоевателей — это пойдет вам на пользу”»).

«Неправда, будто Гор, глупый сын Осириса, победил Сета. Сет ослепил Гора, но сам-то не был оскоплен. Это ложь. Народ евнухов хотел сделать Сета таким же, как они. У него были *le palle*¹⁰, а не у его врагов. Немного похоже на сегодняшних итальянцев. Они потеряли свои яйца — они бесславно проиграли войну — Роммель пишет, что итальянские солдаты в пустыне прятались под танками и грузовиками, спасаясь от боя, офицерам приходилось отстреливать их, и вот эта раса кастратов отрезала яйца Муссолини. На Пьяццале Лорето они не успокоились, пока не сделали это...»

Он имел в виду бесчинства, которые толпа учинила над телом своего дуче после расстрела в 1945-м. Его били ногами, размозжили череп, отрезали яички и засунули их в рот. Я видел кадры старой кинохроники. Их достаточно, чтобы вырвало. Раздутая, окровавленная масса плоти напоминает чудовищный плод. Это непристойно. Те же самые люди, что поддерживали диктатора, смывали свою вину, издеваясь над его трупом. Этот эпизод многое говорит об истинной природе итальянцев, которых принято считать нацией добряков, любящих детей, безобидных людей. Под этой оболочкой скрывается народ примитивный и дикий — вот куда более вероятная правда.

Я поделился с ним своим отвращением к тому мазохизму. Он кивнул: «Да, вы понимаете мою мысль. Не фашизм подвел Италию. Итальянский народ — точнее, определенный тип итальянцев, низший элемент, увы,

¹⁰ «Яйца» — пер. с итал.

большинство — подвел идеалы режима... Да, были исключения, как героическая атака кавалерийского полка в России — вы, должно быть, видели фильм “Героический заряд” (*Carica Eroica*), и я уверен и в мальчиках из *Decima* (отряды морского командования). Тем не менее вы понимаете, что имел в виду Муссолини, когда говорил, что с *merda*¹¹ нельзя выиграть войну. Слишком многие итальянцы оказались дерьмом. Их поведение на войне показало полное отсутствие духа, мужества, отваги. И потому они отомстили своему вождю, тому, кто пытался сделать из них другой народ, превратить их в то, чем они не были. Какое-то время они и сами в это верили. Воображали себя героической, выносливой, стальной расой. Оттого их ярость, когда они осознали свою истинную природу — бесхребетную, беспозвоночную, лишенную *le palle*, — стала еще неистовее. И свою ненависть к себе они перенесли на павшего лидера. Козел отпущения, древнееврейский миф, тут как нельзя кстати. А евреи, кстати, свою религию позаимствовали у египтян, как утверждал доктор Фрейд. Сет, опять же, самоочевидно...»

Он замолчал, лицо его потемнело. «Сет был богом пустыни. Но и в пустынях есть оазисы. Места для отдыха и очищения. Там есть особая чистота... Я мог бы родиться в пустыне... если бы там были горы, я был бы счастлив».

«Его враги утверждали, что Сет предал свой народ. Что он внес смуту. Они не видели дальше собственного носа. Смута была в их головах. Нет, у Сета было ясное видение. Нужно быть смутьяном в обществе идиотов, демократов, моллюсков. Они, конечно, ответят тебе ненавистью. Изгонят в пустыню анонимности, в пустыню ничтожества. Они не понимают, что оказывают тебе услугу. Хорошо быть вдали от шума и гвалта. Сет все понял правильно. Я никогда не смог бы стать священником.

¹¹ «Дерьмо» — пер. с итал.

Не жрецом какой-либо монотеистической религии — моя каста воинов, — но жрецом Сета, возможно...»

Жестокость замечаний Эволы в адрес его собственного народа — не будем забывать, что Италию он едва ли считал своей истинной, подлинной нацией — не должна быть понята превратно. Поспешные и неуверенные умы, подобно собакам Павлова, вспомнят страшное слово на «Р», но в данном контексте это понятие неточно и вводит в заблуждение. Более того, это выглядит как противоречие в терминах. Расист — это тот, кто считает неполноценными другие расы, а не свою собственную. Таким образом, все, что имел в виду Эвола, на мой взгляд, — это определенный надлом в итальянском национальном характере. А понятие национального характера вполне законное и осмысленное. Даже икона либерализма, англичанин Джон Стюарт Милль, ссылаясь на него, объясняя судьбы народов: «Именно национальный характер приводит к тому, что одна нация преуспевает в своих начинаниях, а другая терпит неудачу; одна стремится к возвышенному, другая низводит себя до подлого». Именно национальный характер, по словам знаменитого философа, «делает величие одной нации прочным, а другую обрекает на ранний и стремительный упадок».

Естественно, прогрессивные и сентиментальные души будут яростно спорить с Эволой о том, что есть «величие» и «возвышенное». Но само существование характерных национальных черт — будь то у народа, нации или расы, если вам не претит это слово, — вряд ли должно вызывать серьезные споры. Я, со своей стороны, считаю это вопросом простого здравого смысла. Разве можно сомневаться, что черты характера шведа отличаются от черт бразильца? Или что характер англичанина не то же самое, что характер грека? Даже внутри Италии существует значительное разнообразие в ценностях и поведении. Сицилиец и пьемонтец совершенно по-разному относятся к работе, еде и юмору.

Эвола, конечно, имел в виду нечто большее. Дуализм, который он выделял в цивилизации — противопоставление традиционного и современного мышления, — предполагал более радикальную, метафизическую раздельную линию, проходящую даже сквозь такое отчасти эмпирическое понятие, как национальный характер. Но что касается его антиитальянских высказываний, их следует рассматривать как безжалостную, лишенную сантиментов, но отнюдь не лишенную истины критику слишком узнаваемого этоса — этоса его народа.

Его антинационализм коренился в убеждении, что современные европейские нации — результат распада средневековой Священной Римской империи. После этого духовное единство Европы было утрачено навсегда. Самоназвание империи «германской», над которым иронизировали историки вроде Гиббона, его отчасти привлекало. Но и в отношении немцев у него не было иллюзий. «Все современные европейские нации — искусственные конструкции», — говорил он. Сегодня это звучит модно и почти постмодернистски.

Правда же в том, что по духу Эвола был универсалистом, хотя и не тем, кто согреет сердце современного европейского бюрократа. Безграничная вселенная, в которой он обитал, называлась Традиция. Через нее он преодолевал узкий национализм, мелкие дрызги патриотов и джингоистов, столь характерные для ультраправой среды. Мне кажется ироничным, что его критики упрощенно окрестили его «фашистским мыслителем». Культ нации — краеугольный камень режима Муссолини — был ему абсолютно чужд.

Для меня в этом была освежающая ясность. Мыслитель, чей разум парил над пространством и временем, не был привязан ни к чему преходящему, но укоренялся в вечном. Это меня очаровывало. Втайне я желал быть похожим на него. Ну, или почти.